

тельность с 19 октября 1897 г. по 1 января 1899 г. // Могилевские епархиальные ведомости. – 1899. – № 11–12 (часть официальная). – С. 106–109.

5. Краткий очерк деятельности двух братских отделений – Гомельского и Мстиславского за 1903 г. Гомельское отделение // Могилевские епархиальные ведомости. – 1904. – № 13 (часть официальная). – С. 85–88.

6. Г.[рицкевич]. Краткий очерк деятельности Гомельского отделения Могилевского Богоявленского братства со времени его учреждения / Г.[рицкевич]. // Вестник Виленского Свято-Духовского братства. – 1907. – № 7. – С. 145.

ПРИЧИНЫ МИГРАЦИЙ БЕЛОРУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В 60-Е ГГ. XIX В.

Давидович А.В.г. Минск, БНТУ

Миграции населения – явление, характерное для всех времен существования человечества. Причины и формы миграций в разные эпохи были различными. Миграции оказали большое влияние на экономическое, политическое, культурное и т.д. развитие отдельных стран и народов, в том числе, и на Российскую империю второй половины XIX в.

Миграция (от латинского *migratio* – перехожу, переселяюсь) – перемещение людей, связанное, как правило, со сменой места жительства. Различают внешнюю (за пределы страны) и внутреннюю миграцию [1, с. 738]. В российском государстве миграция населения в дореволюционный период была вызвана аграрным перенаселением.

В основном миграции населения в Российской империи в период капитализма проявились в виде, во-первых, сезонных перемещений крестьян в поисках заработка с регулярным возвращением к постоянному месту жительства (отхожие земледельческие и неземледельческие промыслы), во-вторых, ухода сельского населения в города, обусловленного образованием рынка рабочей силы для промышленности, в-третьих, перемещения крестьянского населения на окраины Российской империи с целью продолжения земледельческого хозяйства (аграрные миграции).

Одной из главных отличительных особенностей российских переселений от миграций в Западной Европе был их внутренний характер. Особенностью было также перемещение преимущественно земледельческого населения. По ряду причин Беларусь была районом активных аграрных миграций крестьянства в этот период.

Среди предпосылок, обусловивших крестьянские переселения, главная роль, несомненно, принадлежала земельным условиям, в которые белорусское крестьянство было поставлено реформой 1861 г. В землевладении западных губерний продолжал господствовать помещичий класс: по данным за 1877 г. половина земельной площади пяти западных губерний оставалась в его руках. В 49 губерниях Европейской России эти земли занимали только 24%. Наибольшая площадь дворянских земель среди белорусских губерний концентрировалась в Минской губернии – 60,7%, наименьшая в Гродненской – 41,7% в силу наличия там больших площадей земель казенных, церкви и т.д., в то время, как наделы сельской бедноты уменьшились на $\frac{1}{4}$ от первоначальной величины [2, с. 29].

По удельному весу дворянского землевладения Беларусь уступала только Прибалтийскому краю. Высокая степень концентрации земель в руках незначительного числа помещиков означала безземелье огромных крестьянских масс. Хуже прочих надельной землей были обеспечены крестьяне восточных губерний Беларуси.

Отсталые орудия труда оставались базой крестьянского хозяйства, являясь прямым продолжением средневекового ведения хозяйства, выражением крестьянской нищеты. Так, например, в Могилевской и Витебской губерниях не изжила себя даже примитивная борона «смык» – связанные еловые плахи с длиннообрубленными сучьями, заменявшими зубья. Несколько большее распространение в Центральной и Западной Беларуси железных плугов и борон не вытеснило архаичные орудия крестьянского труда [3, с. 54].

Плохо обработанные, слабо или совсем не удобренные крохотные земельные участки давали низкие урожаи. Крестьяне вынуждены были идти по пути расширения запашки. Нужда в земле заставляла крестьян превращать в пашню все, что только можно. В значительной степени крестьянская пахотная земля расширялась за счет запашки пастбищ, зарослей, лесов и т.д. Выгоны, луга, сенокосы

сохранились лишь на самых низменных заливных лугах, где почти никогда не высыхала вода.

Являясь выражением крестьянской нужды, этот процесс еще более усиливал ее, так как расширение запашки шло за счет таких угодий, без которых затруднялось само существование крестьянского хозяйства. В частности, сокращение площади пастбищ отрицательно сказалось на крестьянском животноводстве. В отчете Минского губернатора за 1875 г., говорилось о том, что крестьянские хозяйства губернии имеют скот на 1/7 от потребности [3, с. 57].

Положение крестьянской бедноты осложнялось еще и тем, что местная промышленность могла поглотить лишь незначительную часть избыточных сельских рабочих. Остальные искали заработки в местных и отхожих промыслах.

На занятости рабочей силы сказывались кризисы, свойственные капиталистическому способу производства. Так, например, в 1889 г. в промышленности Гродненской губернии объем производства уменьшился в сравнении с предшествующим годом на 10 % [3, с. 55]. Вследствии кризиса, в полную силу проявившегося в лесной промышленности, на внешнем рынке резко сократился спрос на лесную продукцию. В связи с этим бедная часть крестьянства лишилась обычных заработков, которые при их малоземелье имели важное значение в возможности прокормить свои семьи. В 1880-1890-х гг. прогрессирующее обнищание деревни усилилось затянувшимся аграрным кризисом. Следствием его было падение цен на сельскохозяйственные продукты. Это приводило к обесцениванию и без того дешевого крестьянского труда.

Таким образом, для огромной массы крестьянства создавалась обстановка невозможности отыскать средства к жизни на родине. Отсюда неизбежность обращения крестьян к последнему средству – переселениям. Переселенческая политика в Российском государстве этого времени определялась, прежде всего, аграрным вопросом, а также социальными, политическими, национальными и военно-стратегическими целями самодержавия. Свобода переселений затрагивала интересы помещиков, боявшихся лишиться выгодных арендаторов и дешевой рабочей силы. Самодержавие боролось «с вредной подвижностью и бродяжничеством» еще и потому, что ос-

новной массе дворян свободное перемещение значительных крестьянских масс казалось предвестником новой пугачевщины.

Как часть аграрного вопроса, переселенческий вопрос имел свои особенности в белорусских губерниях. С одной стороны, царское правительство понимало необходимость периодически приоткрывать клапан и выпускать «излишки» сельского населения, а с другой, стремилось сохранить в крае «русский элемент», как свою опору и рабочую силу для него – крестьянство. Борьба этих двух тенденций и отражалась на содержании переселенческой политики в нашем крае.

Восстание 1863 г. обострило, так называемый, польский вопрос. Наряду с идеологическим давлением власти стремились подорвать экономические позиции дворян-поляков посредством создания льготных условий для перехода их земель в руки русских помещиков. Чтобы полностью решить этот вопрос, самодержавие и тут стремилось не допускать переселения крестьян-белорусов за пределы Северо-Западного края.

Лишив крестьянство возможности переселяться, правительство не могло остановить этот процесс фактически. Поэтому, чуть ли не с момента объявления крестьянам «воли» от них начали поступать прошения о разрешении на переселение. Началось и неофициальное, самовольное переселенческое движение.

Более массовым оно стало в конце 1860-х гг. В Беларуси на это повлияли неурожайные 1865–1868 гг. Так, например, в течение первой половины мая 1868 г. в Могилевской губернии из-за недостатка продовольствия на юг тайком отправились десятки крестьянских семей. В ответ на это губернатор приказал у крестьян, не успевших покинуть свои села, отбирать паспорта. Уездным исправникам предписывалось ни под каким предлогом не разрешать крестьянам продажи своего имущества. Было также признано необходимым крестьян, которым удалось уйти за пределы губернии, возвращать на родину по этапу [4, с. 63].

Переселенческое движение 1860-х гг. с течением времени приобрело затяжной и упорный характер. Крестьяне, настойчиво подававшие во все местные инстанции прошения о переселении и, как правило, получавшие отказы, решили, что власти сознательно задерживают их на месте, скрывают «высочайшее повеление», желая заставить вновь обрабатывать барщину помещикам. Поэтому в ходе

переселенческого движения конца 1860-х гг. стихийно возник институт ходоков – крестьянских уполномоченных, направлявшихся в предполагаемые районы переселения с целью предварительного ознакомления с качеством земель и условиями жизни там.

Надо отметить, что в это время сибирские губернии как район переселения играли очень незначительную роль. Переселенцы – крестьяне из западных губерний, как и из всей Европейской России, преимущественно направлялись в такие губернии, как Екатеринославская, Херсонская, Таврическая и другие южные районы страны [5, с. 5].

Борьба властей с крестьянским движением в какой-то степени повлияла на спад в нем, произошедший в начале 70-х гг. XIX в. Но все же главные причины переселенческого спада крылись в социально-экономическом развитии империи. Крестьянам уже было разрешено покупать и арендовать помещичьи земли, перед ними открылись возможности промысловой деятельности. Это должно было, по мнению властей, задержать их на родине и на некоторое время отвлечь от вынужденного и для многих ничего хорошего не обещавшего переезда.

Фактором, сдерживающим переселения, стало некоторое улучшение экономической конъюнктуры в крае, так как на смену ряду неурожайных лет пришли годы хороших урожаев, особенно картофеля. Также повлиял на уменьшение переселений начавшийся рост цен на сельскохозяйственные продукты. Это стало одной из причин расширения крестьянских запашек: возвратились в оборот заброшенные в годы неурожая земли, распахивались новые. В это время среди крестьян Российской империи, и белорусских губерний в том числе, распространялись упорные и ничем не подтвержденные слухи о будто бы предстоящем разделе помещичьих земель, что также обусловило выжидательную позицию крестьянства. Лишь в последние годы второго пореформенного десятилетия переселенческое движение вступило в новый период после целой полосы затишья.

Таким образом, в конце 1860-х гг. в Беларуси, как и во всей Европейской России, имела место первая переселенческая волна. Переселенческое движение этих лет проявилось во всех шести северо-западных губерниях. Оно имело свои особенности и активно повлияло на экономическую, культурную, политическую и т.д. жизнь нашего края.

Использованная литература

1. Антипова Е.А. Миграция населения / Е.А. Антипова // Республика Беларусь: энциклопедия: в 6 т. – Минск, 2007. – Т. 4. – С. 738.
2. Панюціч В. Рэформы дзяржаўных сялян Беларусі (канец 50-х-70-я гг. XIX ст.) / В. Панюціч // Беларускі гістарычны часопіс. – 1996. – № 3. – С. 23–32.
3. Котов А.И. История земельных отношений в Беларуси (с древнейших времен до наших дней) / А.И. Котов. – Минск: «Ураджай», 2001. – 157 с.
4. Верещагин П.Д. Крестьянские переселения из Беларуси / П.Д. Верещагин.- Минск: БГУ, 1978.-143 с.
5. Крых Г., Токць С. Гісторыя пасялення Мінск – Дваранскае: засцяпковая шляхта з Беларусі ў сібірскім Прыпытышы / Г.Крых, С. Токць // Беларускі гістарычны часопіс.– 2012. – № 3. – С. 4–10.

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ БЕЛАРУСИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX СТСТ.

Злотников А.Г.

г. Гомель, Белорусский торгово-
экономический университет
потребительской кооперации

Важнейшим социальным критерием прогресса, особенно в прежние времена, являлось демографическое развитие. Наивысшие в дореволюционной истории Беларуси темпы роста населения приходятся на XIX ст. и особенно на послереформенный период. М.В. Довнар-Запольский со ссылкой на известного русского статистика академика К. Германа, возглавлявшего статистическое отделение Министерства полиции, приводит следующую динамику роста численности населения бывшего Северо-Западного края: конец XVI в. – не менее 1 млн. чел.; конец XVII в. – не более 1,6 млн. чел., конец XVIII в. – около 3,8–3,9 млн. чел. [1, с. 188]. А за почти 60-тилетний период XIX в. численность населения губерний Северо-Западного края, по этим данным, возросла до 5,6 млн. чел. И далее Довнар-Запольский отмечает, что «в противовес крепостной эпохи в последующем пятидесятилетии население возрастает с 5,6 млн. душ обоего пола в 1863 г. до 14 млн. в 1914 г., т.е. увеличивается в 2,5 раза» [1, с. 434].